

Люди и судьбы

Труж. - 1990 - 14 окт.

ХЛЕБ, ТЕПЛО И НАДЕЖДА

В издательстве «Советский писатель» готовится к выходу книга Татьяны Лещенко-Сухомлиной «Долгое будущее». Это воспоминания о неординарно прожитой жизни певицы, актрисы, поэта, переводчика... Судьба забрасывала ее то в Нью-Йорк, то в Париж, то — в Воркуту...

— Я не считаю себя ни большой актрисой, ни большим поэтом, — замечает Татьяна Ивановна. — Стихи мои скорее наивные. А нравились они многим искренностью. Других достоинств я за ними не знаю, хотя «Новый мир» напечатал их рядом с прозой Солженицына. С Александром Исаевичем знакома лично, хотя и не близко, и каждой строчкой от него бываю счастлива.

Жизнь моя была полна парадоксов, а вернее, я попадала в совершенно парадоксальные ситуации. Например, в 20-е годы я была актрисой театра Новых драматургов в Америке. Театр был революционный по содержанию и экспериментальный по форме. Некоторые названия пьес говорят сами за себя: «Интернационал», «Забастовка»... А субсидировал театр маленький старичок Отто Кани, мультимиллионер. Это ли не парадокс?

Своем молоденькой девушкой попала Татьяна Лещенко в Америку, выйдя замуж за американского юриста Бенджамена Пепера, работавшего у нас. Скоро поняла, что в Америке жить не сможет: тосковала страшно. Уехала в Европу. Но и после двадцати с лишним лет, прожитых в разводе с нею, Бен Пепер посылал посылки в послевоенную голодную Москву ей и ее детям, чужим для него. Известения о посылках были изъятые у Татьяны Ивановны в 1947 году и вместе с другими «компромататами» легли на стол следователя Лефортовской тюрьмы.

— Я ни одного человека не «взяла» с собой. Меня очень пытались подтолкнуть к тому, чтобы я оговорила нескольких лиц. Но я ушла в лагерь одна. Может быть, поэтому и выжила: совесть была чиста. Мое дело было перепечатано на машинке, как и все, наверное, дела. А моя фраза о том, что Сталин не заботится о простых людях, бы-

ла вписана каллиграфическим почерком. Моя неосторожная наивность и преданность Бена — вот основа моего дела, которое вылилось для меня в восемь лет лагерей.

На второй же день пребывания в лагере я спела свои романсы. Пела-то я на самом деле всегда. Мама — вокалистка, исполнявшая сложнейшие романсы Рахманинова, одобряла мои простенькие домашние песни. Нравились они и моим американским друзьям. Пела я и русским в Париже. В 1947-м я узнала, что и тогда я пела «не тем»: встречаясь со всеми, с кем хотела, из русской эмиграции.

Так вот, в лагере я тоже пела. И уголовники, в высшей степени презиравшие политических, «постановили» никогда меня не трогать. Это было серьезной охранной грамотой, так как беда заключенным женщинам зачастую грозила именно от уголовников.

Позже Татьяна Ивановна стала работать в Воркутинском театре. Театр был серьезный, профессиональный. Его прозвали «Жемчужиной Заполярья».

— И вы опять, как и в Америке, стали актрисой?

— Не только. Я была и библиотекарем, и концертмейстером. Я очень старалась зарабатывать побольше зачетов; хотелось вернуться к детям, я понимала, что в условиях лагеря вряд ли выживу. Кроме театра, работала на очень тяжелой и грязной работе, тоже из-за зачетов и добавочной буханки хлеба. Ну, попав в театр, я просто необыкновенно старалась, молила Бога, чтобы там удержаться.

— Своя среда?..

— Своя среда, прекрасные актеры, музыканты, атмосфера, в которой была взаимная уважительность. Это так. И все-таки, — Татьяна Ивановна смотрит на меня чуть-чуть виновато, — самое важное было в другом: это была работа в тепле. После того, как поймаешься в тундре на морозе, на ветру, без отдыха, только тогда можно вполне оценить, что это такое: работа в тепле.

— Татьяна Ивановна, а кто же был зрителями?

— Воркутяне. В первых рядах

сидело начальство, лагерное и городское: все нарядные, с женами. Дальше — остальные. Воркута — это ведь шахты, они выполняли огромный план. В шахтах работали каторжане, проходившие по крупным статьям, и политические, и уголовные, хотя политических было меньше. Воркутинский уголь славился. Мы же ездили по дальним шахтам Воркутлага, давали концерты. Ездили, естественно, под конвоем.

Создателем театра был знаменитый актер и режиссер Театра Красной Армии А. Майоров. Главным режиссером был Николай Быков, вольный. Вольные общались с нами мало. Только по делу, корректно. Но иногда что-нибудь вдруг сунут в руку. В основном еду, хлеб. Актеры у нас были изумительные. Многие умерли, погибли, покончили с собой. В августе этого года меня нашла Александра Вершкова из Киева. Она прочла в сборнике «Доднесь тяготеет» в моих воспоминаниях строки о своем сыне, Исидоре. Он был любимым учеником Юрия Завадского, ему прочили блестящую будущность, он репетировал Ромео, но попал в Воркутлаг, где и погиб... Его мать ездила в Воркуту, просила выдать прах. Не дали. «Он же враг народа», — сказали.

Позже, во время «оттепели», все-таки разрешили перенести прах в родной Киев.

— Татьяна Ивановна, я вспоминаю, как вы поете романс на слова Ивана Бунина «Был ли счастлив ты в жизни земной?» Мне кажется, такую музыку мог создать только очень счастливый человек. А то, что вы рассказываете, так страшно...

— К счастью, в моей жизни была не только морозная тундра Заполярья. У меня были прекрасное детство и юность. С братом мы были близнецы. Но Юра погиб очень рано: четырнадцати лет ушел в Красную Армию добровольцем, когда белые подошли к Пятигорску. У нас было небольшое имение там, и логичнее вроде бы ему было воевать на стороне белых. Но он был убежденным ленин-

цем... Не только в память о брате я должна сказать: раньше мы не видели трагедии белой армии, видели только зверства ее. Теперь некоторые из нас вопреки истории и здравому смыслу хотели бы представить всех членов белого движения овечками. Нужно ли это памяти о белой гвардии? Не слишком ли это трагическая страница нашей истории, чтобы ею манипулировали? И тот, кто за свои прегрешения и причиненные страдания был прощен на небесах, не нуждается в адвокатах, отрицающих их очевидную вину. И также мы вправе знать все о Красной Армии. Должны даже, чтобы представлять, как это страшно — гражданская война.

Я, конечно, не политик. Обвинения, выдвинутые против меня при аресте, содержали и следующее: я не читаю газет, а значит, я не советская женщина. Не знаю. Я — русская женщина.

Скоро на фирме «Мелодия» будет готова вторая пластинка моих песен и романсов. Хотелось бы записать и третью, тогда почти весь мой репертуар будет оставлен людям. Должна быть переиздана «Женщина в белом» Коллинза, которую я с упоением переводила сразу после лагеря и которая выдержала уже ряд изданий. Останутся мои переводы, стихи, песни. И даже если у меня не хватит сил создать что-то новое (лет мне все-таки немало), я могу сказать: что-то сделала для людей.

Н. ФИЛИМОНОВА.

На снимке: Татьяна Лещенко-Сухомлинова.